№ **6** (17) ноябрь-декабрь 2010 г. **ISSN 1999-2300**

Volume 4 Number 6

Journal «Economy and Entrepreneurship»

ЭКОНОМИКА И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

Подписной индекс в каталоге Роспечать «Газеты. Журналы» **48663**

На подступах к рынку: формирование понятий ценности и цены в античном мире

А.Э. Петросян,
д-р филос. наук, проф. кафедры государственного управления и менеджмента Тверского филиала Северо-Западной академии государственной службы
(170000, г. Тверь, ул. Вагжанова, 7, к. 409; e-mail: moi@ins-car.ru)

Аннотация. *Сегодня, как и прежде, разгораются острые дебаты о природе ценности и цены. Тем не менее, проблема весьма далека от разрешения. Одной из главных причин такого положения дел является недостаточное внимание к эволюции самих понятий. Стремясь восполнить пробел, автор соединяет подробный разбор фактического становления с реконструкцией логики их развития – от истоков до порога капитализма - в контексте решаемых практических задач.*

Abstract. *Today, as before, heated debates flare up regarding value and price. Nevertheless the problem remains still very fat from its resolution. One of the most fundamental causes of such a state of affairs is the lack of interest in the evolution of the concepts themselves. To make up this deficiency the author combines a detailed anatomizing of the real coming-to-be with the reconstruction of the logic of their unfolding - from the origins to the fall of Rome – in the context of practical challenges being met.*

Ключевые слова: *ценность, цена, обмен, труд, античность.*

Keywords: *value, price, exchange, labour, antiquity.*

Введение

Вряд ли кто станет спорить с тем, что цена – королева маркетинга.[1] Она представляет собой главный инструмент не только продвижения товара, но и конкурентной борьбы. Не говоря уже о том, что именно цена, наряду с количеством реализованной продукции, составляет основу доходов предприятия.

Однако цена не есть самодостаточная реалия. В ней проявляется еще более глубокое свойство товара – его ценность.[2] В самом деле, чем ценнее он для покупателя, тем больше денег тот готов выложить за него. И, наоборот, если вещь не кажется ему чем-то особенным, едва ли удастся выручить за нее значительную сумму.

Но ценность сколь фундаментальна, столь и таинственна. Пользуясь известным афоризмом, можно сказать, что она тем и отличается от вдовицы Куикли – литературного персонажа весьма свободного нрава, - что не знаешь, как за нее взяться. Недаром до сих пор еще разгораются острые дебаты о природе ценности. Тем не менее, этот вопрос сегодня, похоже, столь же далек от разрешения, как и столетие или два тому назад.

Одной из главных причин такого положения дел, безусловно, является недостаточное внимание к эволюции понятий ценности и цены. Там, где нет понимания истоков проблемы, перспективного взгляда на ее возникновение и развертывание, реконструкции логики перехода связанных с ней основных идей с одной ступени на другую, вряд ли стоит надеяться на отыскание действенных решений, способных ориентировать хозяйственную практику. Неудивительно, что и сами дискуссии о ценности и цене все больше скатываются с принципиальных вопросов к техническим деталям, которые, хотя и чрезвычайно важны, вне концептуального каркаса, объясняющего явления, оказываются бессмысленными и бесполезными.

Особенно заметно пренебрежение к историческим корням этих понятий в отечественной литературе. В ней почти не встречаются работы, в которых подробный разбор их фактической эволюции сопрягался бы с реконструкцией логики развития идей в контексте решаемых с их помощью практических задач. Между тем актуальность такого рода исследований высока еще и потому, что в наших представлениях о рынке имеются серьезные пробелы, если не сказать – провалы, обусловленные предшествующей историей. Они подпитываются плохо понятой чужой теорией, не пропущенной сквозь призму собственного опыта, поскольку такового просто не существовало.

Еще и сегодня найдется немало тех, кто не сомневается в правильности трудовой теории

[1] См.: Петросян А. Э. Ее величество Цена (Рыночное ценообразование и ценовая политика). Тверь, 2007.

[2] В русской литературе ценность издавна принято называть стоимостью. Однако такое словоупотребление следует признать крайне неудачным. С одной стороны, оно, будучи тесно связанным с «трудовой теорией стоимости», деформирует само понятие, смещая акцент с использования товара на то, что в него вложено и во сколько он обходится. С другой стороны, возникает разрыв межу экономическими ценностями и ценностями в более широком смысле, включая духовные, чего нет в других европейских языках, где те и другие обозначаются одним и тем же термином (англ. «value», франц. «valeur», нем. «Wert» и т. д.). Поэтому, вопреки сложившейся традиции, автор отдает предпочтение «ценности».

ценности. Они искренне верят в то, что эта доктрина восходит к А. Смиту и Д. Рикардо. Однако это не более чем аберрация исторического зрения, которая, правда, имеет прочную литературную традицию.

А. Уитейкер - экономист, непосредственно занимавшийся трудовой теорией ценности и не просто приписавший ее авторство Смиту, но и полностью отрезавший его от всей предшествовавшей традиции, сокрушался по поводу многочисленных неувязок и противоречий в основоположениях этой доктрины. В частности, он недоумевал, как столь глубокий мыслитель, как Смит, мог признать труд «реальным мерилом» всех обмениваемых благ, тогда как деньги выполняют эту роль гораздо лучше и проще. Кроме того, ему ставилось в упрек, что он фактически предложил «несколько разных маленьких теорий ценности», которые так и не были «сплетены им воедино». И любая попытка найти внутреннее согласие между несовместимыми утверждениями, «выявить гипотезу, в свете которой противоречия можно было бы объявить только кажущимися, изначально обречены на полную неудачу».[3] Между тем, если бы Уитейкер не представил Смита в качестве абсолютного зачинателя доктрины и попробовал бы проследить ее истоки хотя бы в английских экономических учениях, он легко установил бы, что эти нестыковки являются всего лишь отголосками старых теорий, дошедших до Смита из глубины веков, которые ему так и не удалось до конца примирить друг с другом.

Другой экономист, К. Корнелиссен, именовавший Смита «подлинным основателем трудовой теории ценности», также сетовал на то, что она «не отличалась точностью и содержала в себе очевидные противоречия». Причем он объяснял это тем фактом, что «Смит, рассматривая вначале ценность как «измеряемую» посредством труда», обнаружил, что товары обмениваются «по ценам, которые часто не соответствуют их трудовым издержкам». По его мнению, как сам Смит, так и его «последователи – от непосредственного продолжателя, Рикардо, дополнявшего и исправлявшего учителя, до Родбертуса и Маркса», не могли разграничить «ценности, как они проявляются в обмене», и те, которые выражаются в благах в процессе их производства.[4] Однако стоило Корнелиссену сделать небольшой экскурс в историю проблемы - и он, безусловно, заметил бы, что эта оппозиция понятий красной нитью проходит через всю их эволюцию. И она воспроизводится у Смита не потому, что тот был сам по себе непоследователен и противоречив, а лишь вследствие усвоения вековой традиции, которая выражала внутреннюю конфликтность самих понятий.

Смит и Рикардо, действительно, возродили интерес к трудовой теории ценности, переосмыслив ее в контексте новых, капиталистических реалий. Однако своими корнями она уходит гораздо глубже. Основу ее заложил Аристотель, чьи воззрения опирались на экономику греческого полиса, где земледелие и ремесло превалировали над торговлей. Однако римский мир – обширный, взаимосвязанный и открытый, превративший торговые отношения в условие собственного существования, - сбросил с себя путы этой доктрины, препятствовавшей его развитию. Она вернулась на авансцену истории только в разгар средневековья. Ее возродили схоласты-каноники, чтобы объяснить и освятить общинное ведение хозяйства. В этом смысле трудовая теория ценности гораздо ближе к социализму, чем можно было бы предположить. И нет ничего удивительного ни в том, что ее подхватил коммунист К. Маркс, ни в том, что она господствовала в течение всей советской эпохи. Но, достигнув расцвета в учении Фомы Аквинского, эта доктрина снова утратила свою актуальность в позднее средневековье – на стадии разложения феодализма и возникновения зачатков рыночного хозяйства.

На фоне столь разноречивых и запутанных подходов особое значение приобретает историческая перспектива, позволяющая заново пережить в спрессованном виде опыт других стран и эпох. Погружение в логику развития идей способствует преодолению ложных пристрастий и заблуждений без повторения длинного и тернистого пути, пройденного предшественниками. Это касается, естественно, и таких ключевых рыночных понятий, как ценность и цена. Именно в реконструкции их становления – от истоков до порога капитализма - и состоит предназначение настоящей работы.

1. Древние представления о ценности и цене

У древних греков понятие ценности имело не столько экономический, сколько политический и этический смысл. Ее тесно связывали с конечными целями совершаемых человеком действий. Внутренне сопрягаясь с идеями правильного и должного, она составляла вместе с ними каркас проблемы справедливости. Неудивительно, что ценность рассматривалась как нечто внеположенное человеку, принадлежащее самим вещам.

Тем не менее, термин, обозначающий ценность (ἀξία), уходит корнями именно в хозяйственные отношения. Вначале он применялся только к весу. Но, поскольку тот как раз и был исторически первой мерой денег, очевидно, его распространили также на саму «субстанцию», в которой оценивались вещи. Позже слово «вес» приобрело новый оттенок – важность, значимость, - который в конце концов отпочковался от «веса» и стал самостоятельным термином, выражающим, хотя и не осязаемую, но вполне объективную реальность, противостоящую человеку.

---

[3] Whitaker A. C. History and criticism of the labor theory of value in English political economy. N. Y.: The Columbia university press, 1904. P. 17.

[4] Cornelissen Ch. Théorie de la valeur. P.: M. Giard & É. Brière, 1913.P. 185.

Что же касается цены, то не подлежало сомнению, что она должна соответствовать ценности. Однако древние греки как люди весьма наблюдательные не могли не заметить, что на деле это происходит далеко не всегда. Поэтому они предостерегали участников сделок от неправомерного стремления нажиться за чужой счет. «Принимающему заказ, - говорится у Платона, - закон дает такой же совет, какой он давал продавцу: не пытаться повышать цену, но просто оценивать работу по действительной стоимости».[5] При этом, конечно же, подразумевалось, что ремесленник вполне способен представить себе подлинную ценность своей работы.

Эту линию продолжил и Аристотель. Однако он не просто разрабатывал ее систематически. Идея справедливой цены получила у него гораздо более четкое и выпуклое выражение.

2. Аристотель об обмене и разделении труда

Проблема ценности рассматривалась Аристотелем почти исключительно в плоскости обмена, который, по его мнению, возникает в связи с разделением труда. «Первоначальное развитие меновой торговли, - говорит Аристотель, - было обусловлено естественными причинами, так как люди обладают необходимыми для жизни предметами одними в большем, другими – в меньшем количестве».[6] И это вынуждает их перераспределять излишки, одновременно получая в свое распоряжение недостающие предметы. Более того, именно разделение труда служит тем скрепляющим началом, которое соединяет отдельных людей, превращая их в составные части общества. «Ведь общественные взаимоотношения, - замечает Аристотель, - возникают не тогда, когда есть два врача, а когда есть, скажем, врач и земледелец и вообще разные и неравные стороны».[7] Но, чтобы обмениваться, вещи должны быть равны друг другу, и то, что уравнивает их, как раз и есть ценность.

Однако не стоит искать основание ценности вне вещи. Ценность обусловлена полезностью, а та, в свою очередь, - потребностью людей. Если верно, что «все должно измеряться чем-то одним», то «поистине такой мерой является потребность, которая все связывает вместе, ибо, не будь у людей ни в чем нужды или нуждайся они поразному, тогда либо не будет обмена, либо он будет не таким, т. е. не справедливым».[8]

Аристотель отчетливо проводит разграничение между двумя разновидностями ценностей – для пользования и для обмена. «Пользование каждым объектом владения бывает двоякое, - говорит он, - в обоих случаях пользуются объектом как таковым, но не одинаковым образом; в одном случае объектом пользуются по его назначению, в другом – не по назначению; например, обувью пользуются и для того, чтобы надевать ее на ноги, и для того, чтобы менять ее на что-либо другое. И в том, и в другом случае обувь является объектом пользования: ведь и тот, кто обменивает обувь имеющему в ней надобность на деньги или на пищевые продукты, пользуется обувью как обувью, но не по назначению, так как оно не заключается в том, чтобы служить предметом обмена. Так же обстоит дело и с остальными объектами владения – все они могут быть предметом обмена».[9] Однако эти разновидности ценностей не признаются равнозначными. Использованию для обмена придается вторичный, подчиненный характер. Он вытекает из того, ради чего вещь была создана. Именно благодаря своей первичной функции нечто становится предметом обмена, вызывая интерес у потенциального потребителя.

3. Справедливая пропорция обмена

По Аристотелю, ценность находит выражение в том соотношении, в котором вещи обмениваются друг на друга. А само это соотношение обусловливается справедливостью, а точнее – той ее формой, которая называется им исправительной. Она проявляется в частных произвольных сделках, к которым причисляются продажа, купля, ссуда, найм и др. В них прибыль рождается в том случае, если приобретается больше, чем отдается. Иначе говоря, она составляет разницу между вновь полученным и ранее принадлежавшим человеку. В таком случае, по Аристотелю, можно вести речь о несправедливости. Ведь «справедливое равенство – это середина между «больше» и «меньше», а нажива и убыток – это «больше» и «меньше» в противоположных смыслах, т. е. больше блага и меньше зла – нажива, а наоборот – убыток. Серединой между тем и другим оказывается справедливое равенство».[10] Отсюда ясно, что «иметь больше своей доли – значит «наживаться», а иметь меньше, чем было первоначально, - значит «терпеть убытки», как бывает при купле, продаже и всех других делах, дозволенных законом».[11] Между тем всякому добродетельному человеку нужно стремиться к справедливости.

Но как определить справедливую пропорцию обмена? Как узнать, что можно приобрести взамен данной вещи, а что – нет? Где та мера, которая способна произвести уравнивание?

Эта проблема легко решалась бы, если бы на создание разных вещей затрачивался одинаковый труд. Однако в действительности дело обстоит иначе. «Ничто ведь не мешает работе одного из

---

[5] Платон. Законы // Сочинения. Т. 4. М.: Мысль, 1994. С. 384.

[6] Аристотель. Политика // Сочинения. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 390 - 391.

[7] Аристотель. Никомахова этика // Сочинения. Т. 4. С. 155 – 156.

[8] Аристотель. Никомахова этика. С. 156.

[9] Аристотель. Политика. С. 390.

[10] Аристотель. Никомахова этика. С. 153.

[11] Аристотель. Никомахова этика. С. 154.

двух, - замечает Аристотель, - быть лучше, чем работа другого, а между тем эти работы должны быть уравнены».[12] С другой стороны, любые искусства просто исчезли бы, «если бы, производя, не производили нечто определенного количества и качества, а получая это, не получали бы как раз такое количество и качество».[13] Так что «все, что участвует в обмене, должно быть каким-то образом сопоставимо».[14] Правда, Аристотель оговаривается, что в жизни между столь различными вещами нельзя найти пропорцию, если сопоставлять их непосредственно. Однако ситуация меняется, когда они ставятся в отношение к потребности.

Результатом такого уравновешивания выступает пропорция, в которой определенные количества благ, подлежащих оценке, соотносятся с людьми, которые их изготовили. Иначе говоря, «справедливое равенство установлено так, чтобы земледелец относился к башмачнику, как работа башмачника к работе земледельца».[15]

4. Цена как мерило ценности

Но, когда речь заходит о соотношении между вещами, возникает необходимость и в едином мериле, позволяющем выразить оценки в одних и тех же единицах измерения. Им оказывается спрос на взаимные услуги, который находит своего общепризнанного представителя в деньгах. В результате они становятся мерой, уравнивающей вещи и делающей их соизмеримыми. Именно «для этого появилась монета и служит в известном смысле посредницей, ибо ею все измеряется, а значит, как преизбыток, так и недостаток, и тем самым сколько башмаков равно дому и еде. Соответственно отношения строителя дома к башмачнику должны отвечать отношению определенного количества башмаков к дому или еде. А если этого нет, не будет ни обмена, ни общественных взаимоотношений. Не будет же этого, если обмениваемые вещи не будут в каком-то смысле равны».[16] Монета, словно общая мера, делает вещи соизмеримыми, приравнивает их друг к другу. «И как без обмена не было бы общественных взаимоотношений, так без приравнивания – обмена, а без соизмеримости – приравнивания».[17] Тем самым потребность общества в деятельности людей, занимающихся разным трудом, становится, по Аристотелю, силой, определяющей ценность всех благ. А в качестве ее мерила выступает цена, выражаемая в деньгах.

Разумеется, Аристотель отдавал себе отчет в том, что действительность весьма далека от идеальной справедливости. Для него не было тайной, что все обмены являются в той или иной мере несправедливыми, и ни одна цена в точности не соответствует сформулированным им условиям. Недаром он с подозрением относился к зарабатыванию на жизнь посредством торговли – особенно мелкой. Что же касается ростовщичества, то оно и вовсе осуждалось им как «взращивание» денег из денег и фактически воспринималось как своего рода мошенничество.

5. Формальный реализм римских взглядов на ценность и цену

Взгляды римлян на ценность и цену, конечно, же, уступали греческим по цельности и глубине. В них было больше фрагментарности и меньше связности. Но это вовсе не значит, что они носили поверхностный характер. Тем более нельзя сказать, что им были чужды новации. Просто римляне – вместо того, чтобы углубляться в метафизический смысл хозяйственных отношений – пытались уловить те связи, которые реально возникают в повседневной жизни, и обобщить их в понятиях, способных ориентировать практическую деятельность.

В отличие от греков, римские мыслители не замыкались на этических требованиях. Им и в голову не приходило искать критерии соответствия цены принципу справедливости. Скорее они стремились удержать участников обмена в правовом русле. Потому-то идеи ценности и цены приобрели у них более формальный характер.

Разумеется, многие римские представления перекликались с идеями греков. Но даже в этом случае в них проступали собственные оттенки. Так, ценность рассматривалась в Риме как определенная мера почтения к вещам (estimatio). Что же касается цены (pretium), то она выражала эквивалентность между ними.

Римляне не просто фиксировали факт несовпадения ценности и цены, но и ясно осознавали их различную природу. Сенека убедительно показывал это на примере врачей и учителей, чьи услуги гораздо ценнее тех сумм, которые им платят. Это значит, что им воздается не за поученную от них выгоду, а за внимание, которое они уделяют данному лицу. Оно платит за то, что те, бросив другие дела, занимаются именно им. То есть возмещается не ценность оказанной услуги, а цена израсходованного на нее времени.

Но, если некоторые вещи ценнее, чем за них платит покупатель, не значит ли это, что, хотя тот и приобретает их за деньги, все равно остается должником продавца?

Разумеется, нет. Ибо «какое значение имеет реальная ценность, если покупатель и продавец договорились между собой о цене?» Ведь покупатель уплатил не произвольную сумму, а ту, которую назначил сам продавец. Если нечто даже чрезвычайно ценное не может быть продано за более значительную сумму, стало быть, такова ее цена.

«Цена всякой вещи, - подытоживает Сенека, - меняется в зависимости от обстоятельств». Ни-

[12] Аристотель. Никомахова этика. С. 155.
[13] Аристотель. Никомахова этика. С. 155.
[14] Аристотель. Никомахова этика. С. 156.
[15] Аристотель. Никомахова этика. С. 156.
[16] Аристотель. Никомахова этика. С. 156.
[17] Аристотель. Никомахова этика. С. 157.

кто не вправе рассчитывать «на большее, чем максимальная цена, по которой их можно продать». Поэтому «человек, который приобретает вещи задешево, не возлагает на себя за счет этого никаких обязательств перед продавцом». Но, даже если бы товар ценился дороже, чем вырученная за него цена, нет никакого благородства в том, чтобы отдать его дешевле. Ведь она не во власти продавца и не устанавливается по его произволу, а скорее обусловливается традицией и условиями, которые складываются на рынке.[18] Следовательно, цена несводима к ценности вещи и не обязана напрямую с ней сопрягаться.

Кроме того, римский мир впервые осознал субъективную проекцию ценности. В отличие от Древней Греции, он толковал ее не как отношение вещи к объективной (универсальной) человеческой потребности и даже не просто переводил дело в плоскость отношений самих людей к вещам. Своеобразие римского подхода к этому понятию состояло в выделении целой группы предметов, которые непосредственно соотносятся с человеческими желаниями и предпочтениями. Говоря о высокой цене бронзовых статуй, Цицерон замечает: «Единственным предметом оценки таких вещей является желание, которым кто-то обладает в отношении них, так как трудно установить границы цены, если только вы сперва не ограничиваете само желание».[19] Правда, такой подход допускался отнюдь не ко всем вещам, а распространялся в основном на роскошь и редкости. Предметы первой необходимости и повседневного обихода, по мнению римлян, зависели не от желания покупателей, а от того, на что они обменивались. И в целом, как явствует из римских документов, ценность рассматривалась как объективное качество и суть обмениваемых вещей, которому, впрочем, цена не обязана была равняться.

6. Цена как выражение меновой ценности

Но представление о соотношении ценности и цены было в Риме весьма неопределенным и расплывчатым. Юристы трактовали цену как сумму денег, уплачиваемых за приобретаемую вещь. То есть они относились к цене как своеобразному «участнику» обмена – сумме, противостоящей товару, нежели как чему-то, выражающему ценность товара, - отдаваемым за него деньгам.

Так, юрист Павел, разбирая происхождение торговли, указывает: «В стародавние времена не существовало денег, и не было в языке никакого различия между «товарами» и «ценой», но после изобретения денег слово «товар» перестало использоваться для обоих обмениваемых предметов, и один из них стал называться «ценой», так что товары и цена – это разные вещи».[20] Правда, в римской литературе можно встретить и другие мнения. Некоторые, ссылаясь на Гомера, утверждали, что если какое-то благо передано продавцу в уплату за купленную вещь, то оно представляет собой не что иное, как цену. Однако Павел возражал, что в таком случае речь может идти не о продаже, а о прямом обмене, в котором бессмысленно говорить о цене.

Со временем понятие цены стало увязываться с количеством, в котором оценивался продаваемый товар. Более того, считая деньги фактически количественным выражением обменной ценности приобретаемой вещи, римляне не проводили строгого различия между ценностью, как она выражается в актах обмена, и собственно ценой, а применяли их в качестве взаимозаменяемых понятий.

В самом деле, оба понятия обозначались одним и тем же словом, хотя оно и не употреблялось в смысле меновой ценности. А это значит, что римские мыслители, по существу, восприняли от греков идею меновой ценности без глубокой рефлексии над его практическим значением и потому исходили не столько из смысла понятия, сколько из охватываемой им конкретной хозяйственной практики. Скажем, чтобы возместить нанесенный кому-то ущерб, нужно не просто уметь рассчитывать его величину, а установить единообразные правила, принимаемые всеми сторонами.

7. Римская идея справедливой цены

Как установить размер возмещения без понятия справедливой цены? В этом случае Павел рассматривал ее в качестве общественной функции. При этом он ссылался на Педия (Pedius), который полагал, что цены не определяются ни чувством привязанности к вещам, ни их полезностью для отдельных индивидов, а имеют «всеобщую силу» (communiter fungi).[21] Но, поскольку в реальных сделках такая цена устанавливалась путем добровольного согласия их участников, оставалось загадкой, каким образом они могли выявить эту «силу», никак не соотносящуюся с их индивидуальными желаниями и предпочтениями.

По римскому праву, цена является предметом свободного выбора договаривающихся сторон, на которые возлагаются также риски и ответственность за принимаемое решение. Единственным ограничением выступает обязанность продавца довести до покупателя сведения о недостатках вещи, дп и то лишь в том случае, если они способны помешать ее надлежащему использованию. Это положение было ясно выражено юристом Пав-

[18] Seneca L. A. On benefits. L.: G. Bells and sons, 1887. P. 169.

[19] Cicero. Rede gegen C. Verres. IV. Buch. Leipzig; B.: B. G. Teubner, 1908. S. 29.

[20] Pandectae Justinianae in novum ordinem Digestae cum legibus codicis, et novellis. T. II. P.: F. I. Fournier, 1818. P. 150.

[21] Pandectes de Justinian, mise dans un nouvel ordre avec les lois du code et les nouvelles. T. IV. P.: Dondey-Dupré, 1820. P. 439.

Павлом уже в начале III века. По его словам, «в купле и продаже человек имеет естественное право приобрести за малую цену то, что в действительности более ценно, продать по высокой цене то, что менее ценно, и каждый может стараться перехитрить другого».[22] Эта идея законности получения преимущества за счет противоположной стороны перекликается с мнением Помпония, юриста II века, который полагал, что «в купле и продаже договаривающимся сторонам естественным образом дозволено перехитрить другую». Оба эти утверждения служили в качестве авторитетных источников для римских юристов.

Весьма примечательно, что единственное исключение из этого правила, допускаемое римским правом, было введено рескриптом императора Диоклетиана и направлено на защиту не покупателя, а продавца. Оно гласило, что, если какая-то вещь приобретена менее чем за половину ее подлинной цены (verum pretium) или ценности, продавец вправе вернуть ее себе, даже когда покупатель готов уплатить «недостающую» часть этой суммы. Да и то действие новеллы распространялось, по-видимому, только на сделки с землей. Во всяком случае в документе речь шла о сельскохозяйственных угодьях и недопущении несправедливости при их вынужденном отчуждении.

Таким образом, римляне вполне допускали то, что греками считалось неприемлемым. А заведомо несправедливые сделки стали, с точки зрения государства, совершенно законными. Тем самым на практике оказалось излишним заниматься установлением ценности обмениваемых вещей. И, отбросив этическую позицию греков, римляне, с одной стороны, избавились от диктата справедливой цены, а с другой – поставили во главу угла свободу сделки и даже формально лишили ценность статуса мерила обмена.

Греческая традиция разбиения ценностей на две категории – для потребления и для обмена – в римском сознании, безусловно, получила определенное продолжение. Однако она претерпела существенную модификацию. Во-первых, ценность означала уже не столько отношение предмета к потребности людей, сколько почтение к нему со стороны продающей и покупающей публики. А во-вторых, «общественное» почтение, в отличие от индивидуального, которое обусловливало ценность вещи, больше выражалось в цене. Это значит, что была нащупана связь между ценностью для потребления и ценностью для обмена. И, хотя цена определяется меновой ценностью вещи, сама меновая ценность во многом зависит от ценности потребительной. Однако, ввиду слабой разработанности и даже туманности этих понятий, четких границ между ними не проводилось. А главное – в запутанных взаимоотношениях между различными проявлениями ценности, включая цену товаров, размывалось и понятие ценности как таковой. В нагромождении частностей ему практически не оставалось места.

[22] Цит. по: Ashley W. J. An introduction to British economic history and theory. Vol. I. N. Y.: G. P. Putnam's sons, 1888. P. 132 – 133.

Концептуальные итоги

1. Понятийная конструкция древних

Мыслители классической эпохи рассматривали ценность как атрибут вещи – нечто, присущее ей самой безотносительно к человеку. Что же касается цены, то в ней видели «общий знаменатель» сделки, некое уравнивающее начало, пропорцию обмена. В целом она должна была выражать ценность, но в действительности далеко не всегда с ней совпадала, поскольку участники сделки зачастую либо неправильно определяли ценность вещи, либо умышленно вводили в заблуждение противоположную сторону (рис. 1).

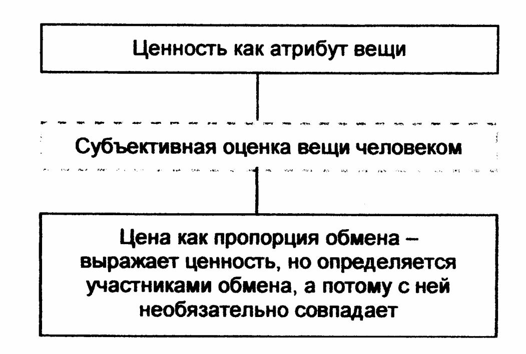

Рис. 1. **Представление древних о ценности и цене.**

2. Аристотелевская теория ценности и цены

Аристотель впервые вводит в явном виде в качестве основания ценности полезность, которая, в свою очередь, обусловливается потребностями, удовлетворяемыми с помощью той или иной вещи. При этом сами потребности трактуются как универсальные, одинаковые для всех. К тому же ценность разбивается на две составляющие – для потребления и для обмена. В обоих случаях вещью пользуются, но по-разному. В первом из них – по назначению, в соответствии с ее первичной функцией, а во втором – не в собственном смысле, а для приобретения чего-то иного. Однако второе применение производно от первого, так как любой предмет может обмениваться лишь потому, что он способен удовлетворить еще чью-то потребность, кроме владельца.

Но справедливый обмен возможен только при условии, что в сделке участвуют равные ценности. Иначе одна из сторон сможет нажиться за счет другой.

Как же сопоставлять между собой разные ценности? В основе их сравнения лежит, по Ари-

стотелю, труд создающих их людей. Но чем и как его измерять?

Таким мерилом является спрос на труд, точнее – на оказываемые им услуги. Чем более востребован труд, тем ценнее предмет, в который он вложен.

Однако в каких единицах следует выражать ценности, чтобы они могли быть соизмеримыми? Разумеется, в деньгах. Именно ими «взвешиваются» не только ценности, но и сам труд. Поэтому деньги могут служить универсальным «масштабом». А любая ценность (включая труд), представленная в денежной форме, есть цена.

Получается довольно стройная и завершенная картина. От ценности как объективного свойства предмета она спускается к ее истокам и в конце концов доходит до средств измерения, вооружившись которыми, можно вернуться обратно к ценностям и сопоставить их друг с другом. Однако непосредственно трудом измерять ценности нельзя, так как он сам тоже подлежит оценке.

Что должно быть критерием его важности? Не продолжительность или сложность, а спрос на него со стороны общества. Чем больше нуждаются в нем люди, тем выше ценность создаваемых им вещей.

Особая роль денег состоит в том, что они «взвешивают» не только вещи, но и создавший их труд. Они как бы перекидывают мостик между трудом и вещами, служа для них единым мерилом. Тем самым цена, представляя ценность в денежной форме, образует для вещей и труда некое «общее пространство», в котором те противостоят друг другу лишь номинально, а фактически сохраняют внутреннюю связь, ибо на вещи переносится ценность труда. Поэтому справедливая цена, в точности соответствующая ценности обмениваемых предметов, должна быть пропорциональна спросу на труд по их изготовлению. И, если проранжировать отдельные виды труда и выстроить их в иерархию согласно приоритетам общества, получится своего рода шкала, по которой можно оценивать любую вещь (рис. 2).

Тем не менее, даже невооруженный взгляд способен заметить в аристотелевской доктрине ценности и цены ряд пробелов и нестыковок.

Прежде всего, почему труд, вложенный в предмет, измеряется не с помощью инструментария, связанного с ним самим, а требует обращения к запросам общества, то есть, в конечном счете, к тем же потребностям, определяющим степень полезности вещи? Ведь объем и характер труда мало зависят от того, насколько он востребован. Не говоря уже о том, что, если ценность вещи измеряется спросом на создающий ее труд, а сам этот спрос тем выше, чем ценнее предмет, удовлетворяющий подпитывающую его потребность, возникает порочный круг, из которого не видно выхода.

Фактически вещи лишаются самостоятельной ценности. И, хотя декларируется, что ценность «гнездится» в них самих, в действительности она привносится туда трудом. Стирается противоположность между ним и вещами, которые сами оказываются не чем иным, как застывшим трудом, а тот, воплощаясь в них, передает им и свою ценность.

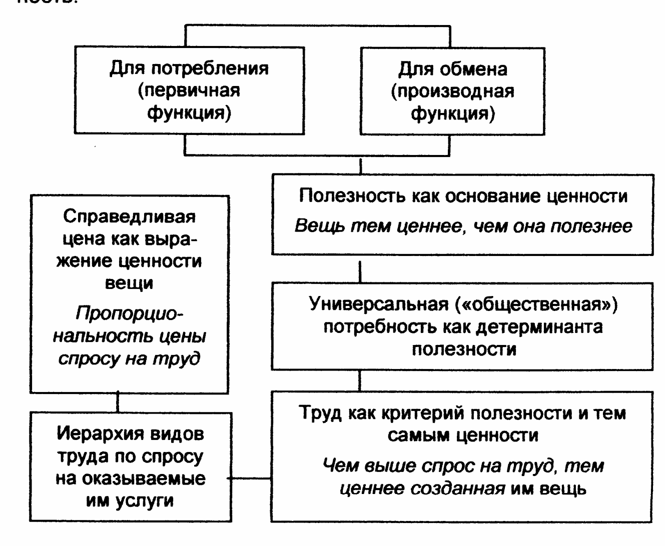

Рис. 2. **Аристотелевская концепция ценности и цены.**

Далее, не менее сложной и запутанной проблемой является «усреднение» потребностей. Ведь изначально они сугубо индивидуальны, присущи отдельно взятым людям. Каким образом происходит их «обобщение»? Как они «стандартизируются» (обезличиваются) и возводятся в ранг общественных?

Аристотель не показывает этого перехода и даже не указывает на него. Он лишь фиксирует общественные потребности как данность. Между тем именно в них следует искать ключ к природе ценности, так как ими определяется востребованность труда, которая затем закрепляется в его продукте в виде ценности.

Наконец, если ценность предмета задается вложенным в него трудом, а цена лишь «высвечивает» ее, откуда берется несправедливый обмен? Почему в жизни цена чаще отклоняется от ценности, нежели совпадает с ней? Это только обман? Но в чем тогда состоит общественная значимость торговцев или ростовщиков? Если они наживаются на чужом труде, почему люди упрямо прибегают к их услугам и не могут без них обойтись?

Ответов на эти вопросы Аристотель тоже не дает. Он их искусно обходит, понимая, что с ними его доктрина не в силах справиться. Тем не менее, надо признать, что он уловил узловые проблемы, связанные с природой ценности и цены. Недаром все последующие поколения мыслителей, независимо от эпохи, в которую они жили, и занимаемых ими позиций, сталкивались с теми же самыми трудностями.

3. Доктрина ценности и цены в Древнем Риме

В этом смысле исключением не были, естественно, и римляне. Они восприняли греческое сопряжение ценностей с потребностями, но перенесли центр тяжести с самих вещей на их восприятие людьми. Собственно говоря, уже Аристотель фактически отказался от наивного объективизма древних, искавших основание ценности в предметах. Он настаивал, что она «вливается» в них вместе с трудом, и именно от него получает свой заряд. Но римляне придали этой позиции больше субъективности и переосмыслили ценность как меру почтения к вещам. Тем самым она не просто перестала быть самодовлеющим свойством вещи, но и приобрела оценочный характер. Ее стали определять субъективные предпочтения тех, кто ими владел или собирался воспользоваться.

Не могли сохранить римляне и универсалистскую трактовку потребностей. Углубление разделения труда и развитие хозяйственных связей неизбежно приводило к их быстрой дифференциации. Изначально «стандартные», примитивно-общественные (обезличенные) потребности становились анахронизмом. А накопление богатства порождало новые потребности, не только не имевшие непосредственного отношения к воспроизводству жизни, но и настолько своеобразные, что и вовсе не удавалось найти для них никакого «общего знаменателя». Поэтому в основе факторов, обусловливающих ценность вещей, римляне видели индивидуальные пристрастия отдельных лиц. Именно они определяли потребительную ценность вещи. Что же касается «общественных» (коллективных), то они служили основой ее меновой ценности. Тем самым отношение (почтение) к вещам было расщеплено на две компоненты – индивидуальную и коллективную. А сама ценность, утратив свое значение как таковая, возродилась в двух практически наблюдаемых ипостасях – потребительной и меновой.

В отличие от Аристотеля, рассматривавшего ценность для обмена как производную от ценности для потребления, римляне придавали каждой из них самостоятельный характер. А если и допускалась какая-либо асимметрия между ними, то как раз в пользу меновой ценности, лежащей в основе обмена, скрепляющего общество в целостный организм. А поскольку общественное предпочтение воспринималось как своего рода агрегация личных пристрастий, проблемы их соотношения друг с другом просто не возникало.

Понятно, что при таком подходе к ценности труду как ее детерминанте уже не оставалось места. Чтобы объяснить соответствие вещи вполне конкретным, наглядно выразимым индивидуальным предпочтениям, римляне не нуждались в столь абстрактной категории, как труд, лишенный видовой специфики и тем самым соизмеримый с любым другим, весьма отличным от него трудом. Достаточно было непосредственно сопоставить вещь с предпочтением, ради которого она приобреталась. А кроме того, в условиях довольно развитого рынка измерять ценность товара вложенным в него трудом стало совершенно бессмысленным. Если в экономике Древней Греции господствовали земледельцы и ремесленники, и потребители продуктов их труда в основном знали, чьим товаром они пользуются, то в Риме, где роль торговли значительно выросла и едва ли не обогнала значимость производства, люди редко интересовались, кем именно изготовлена вещь. Если она соответствует предпочтениям многих, ее ценность высока. В противном случае от нее мало проку.

Поскольку ценность у римлян потеряла объективный статус, не было смысла приписывать цене функцию выражения ценности. Так ценность утратила практическое значение, а вместо нее на передний план вышла меновая ценность как способность вещи «притянуть» определенное количество другого товара в процессе обмена. Именно она и «высвечивалась» в цене, за которой сохранился лишь статус меры эквивалентности (равнозначности) ценностей, то есть показателя того, насколько одинаково или по-разному оцениваются участвующие в сделке вещи.

Тем самым цена приобрела локальный и сиюминутный характер. Она начала больше зависеть от обстоятельств, нежели от достоинств или недостатков товара. Ни привязанность к вещи продавца, ни ее полезность для покупателя не играли решающей роли при определении цены.

Неудивительно, что отмерло и понятие справедливой цены. Любая сумма, назначенная за товар, могла быть признана справедливой, если только о ней договорились стороны, заключающие сделку. Разорвав жесткую связь между ценностью и ценой, римляне избавили себя от необходимости измерять ценность вещи в ходе обмена, предоставив его участникам полную свободу действий.

Разумеется, римский взгляд на ценность и цену во многом точнее и четче древнегреческого. Он полнее отображает реальность и лучше применим к решению практических задач. Но его достоинства обусловлены, прежде всего, более высоким уровнем развития рынка и возникновением таких элементов хозяйствования, которых греческая мысль просто еще не знала.

Однако, наряду с безусловным прогрессом в осмыслении ценности и цены, римская доктрина была вынуждена допустить и определенный откат от позиций, завоеванных греками. Целый ряд идей, получивших широкое хождение в Древней Греции, были напрочь забыты. А ключевые вопросы, изнутри подорвавшие теорию Аристотеля, фактически так и остались без сколько-нибудь вразумительного ответа. Они модифицировались и переформулировались, создавая иллюзию решения, но в действительности лишь отодвигались на периферию римского сознания как не слишком актуальные для него проблемы.

В самом деле, ценность вещи определяется отношением к ней людей, которое, в свою очередь, обусловлено их предпочтениями. Чем предмет привлекательнее, тем выше его ценность. При такой непосредственной привязке друг к другу предпочтений и вещей труд неизбежно перестает рассматриваться как «генератор» ценностей. Вот почему римляне выбрасывают его из схемы объяснения товарного обмена как ненужный довесок, который лишь затрудняет понимание и тем более регулирование сделок между покупателями и продавцами.

Казалось бы, все становится предельно ясно. Человеческие пристрастия служат критериями оценки вещей и тем самым как бы привносят в них ценность. Однако она выносится за скобки как нечто, лишенное практического смысла. Вместо нее на практике римляне оперируют потребительными и меновыми ценностями. Причем совершенно неясно, как они соотносятся между собой. Если у Аристотеля меновая функция была вторичной, производной от потребительной, то тут – при формальной самостоятельности обеих функций предмета – она фактически приобретает приоритетный характер, ибо именно ею определяется цена.

То же самое касается и соотношения индивидуальных и коллективных предпочтений. Как происходит «агрегация» личных пристрастий и их превращение в «общественные»? Каково место первых в составе вторых? Почему частные запросы генерируют потребительные ценности, тогда как спрос на вещь со стороны многих людей делает из нее меновую ценность? Эти вопросы даже не ставятся, не говоря уже о попытках на них ответить.

Более того, даже если бы римлянам удалось представить механизм «конвертации» индивидуальных предпочтений в коллективные, сам по себе он мало что мог бы объяснить. Как быть, например, если приобретается редкий предмет, у которого единственный почитатель и нет аналогов? Естественно, что по отношению к нему «общественные» пристрастия сложиться не могут. Значит ли это, что он не имеет меновой ценности, а следовательно, и цены? Опыт показывает, что нет. Такая вещь тоже продается – без особых затруднений и с соблюдением процедур. А если речь идет о «стандартной» вещи, на которую существует коллективный спрос? Можно ли сказать, что у нее нет потребительной ценности? Едва ли. Зачем же тогда люди тратятся на ее приобретение? Очевидно, между потребительными и меновыми ценностями, равно как и индивидуальными и коллективными предпочтениями имеются прочные связи и внутренние переходы. Однако римская доктрина их не замечает или пренебрегает ими.

Проблема несправедливого обмена просто снимается. Если не ущемляется свобода воли участников сделки, она признается заведомо справедливой. Но разве цена справедлива, когда одна из сторон откровенно жульничает, оказывает давление на другую – напрямую либо пользуясь стесненными обстоятельствами, в которых та находится, - или сознательно вводит ее в заблуждение? Этот вопрос тоже повисает в воздухе. Сам факт появления законодательных инициатив (вроде рескрипта императора Диоклетиана), хотя бы отчасти регламентирующих взаимоотношения покупателей и продавцов, свидетельствует о том, что римляне смутно ощущали ущербность привязки цены исключительно к волеизъявлению сторон сделки.

Почти полностью замалчивалась и проблема источника богатства торговцев. За счет чего возникает их прибыль? В чем общественное значение коммерции? Если ценность возникает из отношения (почтения) человека к готовой вещи, неважно, кто ее создал и для чего. Римляне больше предпочитали думать об упорядочении оборота вещей, нежели об «интимных» сторонах производства. Пока оно не стало уделом экономически самодеятельных людей, занимавшихся этим в массовом порядке, вряд ли стоило ждать, что к нему будет прикован общественный интерес. Только с появлением первых ростков капитализма его маятник начнет медленно поворачиваться в сторону производительного труда, сохраняя при этом уважение к торговому делу.

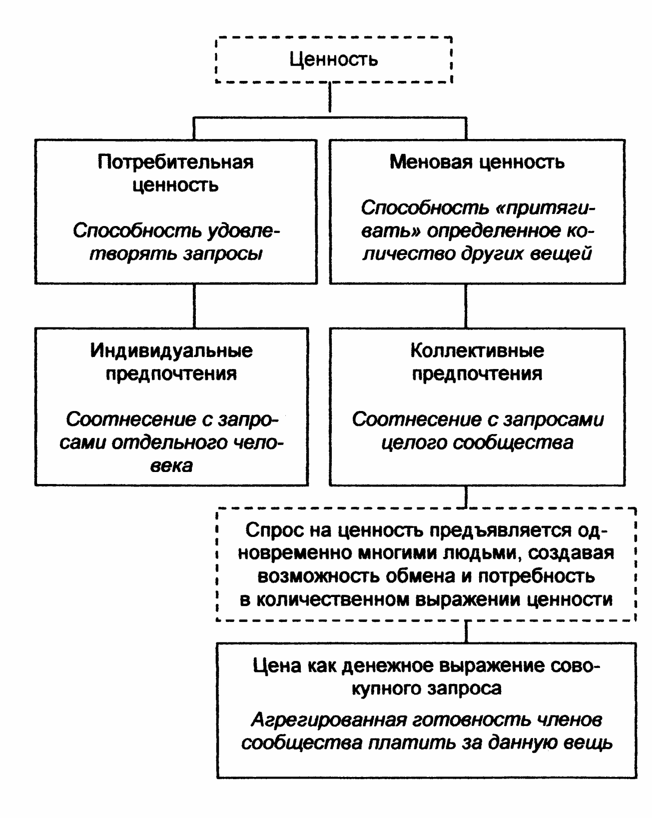

Рис. 3. **Представление римлян о ценности и цены.**